

ЧИНГИСХАН

ИМПЕРСКАЯ
ИДЕЯ

завоевателя мира

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Иллюстрированная военная история

Чингисхан. Имперская идея

«Издательство АСТ»

2016

УДК 929(517.3) Чингисхан
ББК 63.3(5Мон)-8

Чингисхан. Имперская идея / «Издательство АСТ»,
2016 — (Иллюстрированная военная история)

ISBN 978-5-17-096481-9

В книге «Чингисхан. Имперская идея» повествуется о том, что вдохновляло великого правителя и полководца Чингисхана на столь обширные завоевания и каковы были глубинные причины огромных успехов введомого им народа. В первом разделе книги вы узнаете об основанном Чингисханом монгольском тэнгэризме как идеологии кочевой империи, которой он придавал не меньше значения, чем превосходству военных сил, и которая стала мощным моральным доводом, узаконившим насильственные действия монголов в мировом масштабе. Вы познакомитесь с дошедшими до нас установлениями («Великая Яса») и изречениями («Билик») Чингисхана, которые наглядно свидетельствуют о том, какими «известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему», руководствовался Чингисхан, создавая свою непобедимую армию. Свидетельства современников Чингисхана (китайских послов-разведчиков и западноевропейских христианских миссионеров), вошедшие во второй раздел книги, дадут представление о ратном искусстве монголов эпохи Чингисхана: организационной структуре монгольской армии, ее вооружении, некоторых тактических приемах в боевых действиях, в том числе и при осаде крепостей, моральном воздействии на население и, главное, о целях их военной доктрины «всемирного единодержавия». В третий раздел данного издания включены главы новой книги А.В. Мелехина «Чингисхан. Хроника жизни. Летописный свод». Этот фрагмент охватывает период с 1215 по 1227 год, время Среднеазиатского похода армии Чингисхана и завершающего этапа его многолетней войны с Тангудским царством. Исторический материал, содержащийся в этих главах, дает наглядное представление о том, как претворялась в жизнь доктрина «всемирного единодержавия» Чингисхана, как были применены на практике те «высшие принципы и идеи, соединенные в стройную систему», которыми руководствовался Чингисхан, осуществляя военное строительство, как

проявили свое ратное искусство воспитанные им монгольские военачальники.
В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 929(517.3) Чингисхан

ББК 63.3(5Мон)-8

ISBN 978-5-17-096481-9

, 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	7
Раздел первый	15
«Великая Яса» Чингисхана	19
Фрагменты «Великой Ясы» из сочинения А. М. Джувейни	19
«История завоевателя мира»[13]	
Введение	19
Содержание Великой Книги Ясы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чингисхан. Имперская идея

авт.-сост. А.В. Мелехин

© А.В. Мелехин, 2016

© Г.Б. Ярославцев, наследники, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Чингисхан (1162–1227)

Предисловие

*Человек богатырского телосложения будет славен при жизни.
Человек могучего ума будет славен в веках.*

Чингисхан

*Если подчиняешь себе множество людей, прежде всего стань
властителем их души; люди никуда не денутся, если ты покоришь их души.*

Чингисхан

Многие столетия, прошедшие после эпохи Чингисхана, люди задаются вопросом, что вдохновляло Чингисхана и его ближайших преемников на столь обширные завоевания и каковы были глубинные причины огромных успехов вedomого ими народа? Как справедливо считал Г. В. Вернадский: «Монгольская экспансия была результатом комбинации многих разнородных факторов и мотивов, варьирующихся от жадности воинов по захвату богатых трофеев до более конструктивного торгового империализма монгольских правителей и грандиозной концепции универсальной империи». «Глубинные причины огромных успехов» Чингисхана и Г. В. Вернадскому, и большинству современных исследователей видятся в первую очередь в созданной им армии, в военном искусстве воспитанных им монгольских военачальников.

Но есть и другое мнение. В Сирийской «Летописи» Григория Аб-уль-Фараджа есть следующий фрагмент «Великой Ясы» Чингисхана: «Когда нужно писать бунтовщикам (всем, кто отказывается подчиниться. – А.М.) или отправлять к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться – что мы знаем? Бог всевечный (Всевышний Тэнгри. – А.М.) знает, что с вами будет. И в этом они (монголы) показали уверенность, возложенную ими на Господа. И этим они побеждали и побеждают». Основываясь на свидетельстве древнего летописца, современный монгольский ученый Ш. Бира считает, что «помимо всего прочего, необыкновенным успехам Чингисхана при создании обширной кочевой империи во многом способствовала его незыблемая вера в Небесную силу (Всевышнего Тэнгри. – А.М.) и в свою харизму. В этом плане он был основателем монгольского тэнгэризма как идеологии кочевой империи..., и придавал ей не меньше значения, чем превосходству военных сил». В этой связи, как мне представляется, прежде чем говорить о «высших принципах и идеях, соединенных в стройную систему», которыми руководствовался Чингисхан, осуществляя военное строительство, следует рассказать о его «грандиозной концепции универсальной империи», ныне называемой доктриной «всемирного единодержавия», или «монгольским тэнгэризмом». Но прежде – несколько слов о религиозных воззрениях древних монголов, на которых эта доктрина базировалась.

Култ Всевышнего Тэнгри, или тэнгрианство (Тэнгрианство – от общего тюрко-монгольского слова «тенгери»: по-тюркски – Tängri, по-монгольски – Tngri, современное монгольское произношение – тэнгэр, по-русски можно перевести как «небо»), – это фундаментальная концепция шаманизма, традиционной народной религии древних обитателей Монголии. Они почитали Вечное Синее Небо как верховное божество – Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку, дарующего жизнь, одушевляющее все живое, управляющее миром и руководящее делами человека. Для монголов эпохи Чингисхана все происходившее вокруг совершалось по воле Всевышнего Тэнгри и благодаря дарованным им Небесным Владыкой жизненным силам. Подтверждением тому являются свидетельства современников Чингисхана. Так, посол императора Южно-Сунской династии, китаец Чжао Хун, побывавший у монголов в 1221 году, в

своей «Записке о монголо-татарах» отмечал, что «...они (монголы) непременно поклоняются Небу (Всевышнему Тэнгри. – А.М.)... Они обыкновенно весьма чтут Небо и Землю; во всяком деле упоминают о Небе (т. е. призывают Небо в свидетели), ...говоря, такова воля Неба».

Именно в такой атмосфере проходил процесс мировоззренческого становления Тэмужина-Чингисхана. Важнейшие элементы его мировоззрения: систему ценностей, идеалы, веру и убеждения – определили в том числе и традиционные верования монголов – тэнгрианство, «претворенное» в повседневном быту монголов. Именно с позиций тэнгрианства окончательно и безоговорочно было обосновано «небесное избранничество» предков Чингисхана, а значит, его самого и его «золотого рода». Чингисхан к тому времени свято уверовал в то, что «земная власть была неотделима от магической, поскольку и та и другая происходили от единого источника – Вечного Синего Неба (Всевышнего Тэнгри. – А.М.)». Свидетельством тому – слова, сказанные им в преддверии вступления на престол Великого хана Великого Монгольского Улуса:

«Я стал Владыкой
Не доблести благодаря великой.
Нет, волею Небесного Отца
Я стал Владыкой.
Талант мой – не племен объединенье,
Небесного Отца благоволение
Дало мне
Справиться со вражьей силой дикой.
Вот почему я стал Владыкой.
Да, с помощью Небесного Отца
Враг мною был подавлен.
Да, волею Небесного Отца
Владыкой я поставлен».

После таких слов Чингисхана вполне закономерным воспринимается вошедшее в «Великую Ясу» его повеление о фактическом объявлении тэнгрианства государственной религией: «Постановляется, что все должны верить в единого бога (Всевышнего Тэнгри. – А.М.), создателя неба и земли, единственного дарующего богатство и обрекающего на нищету, дарующего жизнь и обрекающего на смерть, согласно высшей воле Того, чья власть над всем сущим абсолютна».

Впоследствии эта мысль о силе, дарованной Всевышним Тэнгри Великим монгольским ханам, была выражена в следующей сакральной формуле: «Силою Вечного Всевышнего Тэнгри, харизмою Великого хана...» С этих слов в качестве преамбулы начинались все официальные послания Великих монгольских ханов европейским правителям, с которыми вы познакомитесь во втором разделе этой книги.

В приведенных выше преамбуле и словах Чингисхана фактически сформулирована концепция политической власти созданного им Великого Монгольского Улуса, в основу которой было положено тэнгрианство. По мнению монгольского ученого Ш. Бира, в соответствии с этой концепцией «Всевышний Тэнгри и Хан провозглашались двумя основными источниками Высшей государственной власти. Сущность Всевышнего Тэнгри проявлялась в его «силе», посредством которой он поддерживает хана и покровительствует власти своего избранника. Иначе говоря, ханская власть имеет, так сказать, «небесное происхождение» и является абсолютной, ни от кого и ни от чего не зависящей. Хан верует только в «силу Небесную», благодаря этой силе вершит государственные дела, осуществляя при этом только волю Всевышнего Тэнгри. Сущность хана проявляется в его харизме, которая непосредственно зависит от сил, которыми хана наделяет Всевышний Тэнгри. И только человек, пользующийся покровительством Все-

вышнего Тэнгри и наделенный им харизмой, может стать ханом и обладать абсолютной властью».

Чингисхан был воистину харизматическим вождем, который не только сам твердо уверовал в свою сверхъестественную судьбу, дарованную ему Всевышним Тэнгри, но и смог убедить в этом других и повести их за собой, как «посланцем Небесного владыки», исполнителем воли Верховного божества монголов. В результате Чингисхан объединил в Великий Монгольский Улус все монголоязычные племена, и, как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», «воцарились тогда мир и справедливость в улусе войлочностенном, и в год Тигра (1206 год. – А.М.) у истока Онона собрался народ его на хуралтай, и воздвигли они белое девятибунчужное знамя свое и провозгласили всенародно Тэмужина Чингисханом».

Размышляя о дальнейшей судьбе созданного им Великого Монгольского Улуса, Чингисхан не мог не задумываться о соседствовавших с ним державах Алтан-хана, кара-киданей, хорезмшаха, Тангудском царстве. Чем больше он узнавал о своих соседях, тем больше убеждался, что по вине их властителей они раздираются такими же противоречиями, с которыми он столкнулся на просторах Монголии, и главное, их предводители враждебно относятся к созданному им монгольского государству. Очевидно, осознав это и, так сказать, снова «пережив мистический опыт» общения с Всевышним Тэнгри, Чингисхан уверовал в то, что Небесный Владыка «назначил ему к исполнению» дело объединения всех стран и народов мира в единую державу. Подтверждение этого «мистического опыта» мы находим в письме (1262 г.) монгольского хана Хулагу (1217–1265, основатель державы Ил ханов) Людовику IX: «Бог (Всевышний Тэнгри. – А.М.) ...говорил нашему деду Чингисхану: «Я один являюсь Всемогущим богом в наивысших сферах и ставлю тебя над народами и ... царствами, чтобы ты был правителем и царем всей земли, чтобы ты искоренял, подавлял спесь, ниспровергал, разрушал, строил и выращивал». Так или иначе, в первое десятилетие существования Великого Монгольского Улуса постулаты древних верований кочевников, тэнгрианства, были в значительной степени пересмотрены. Как писал Ш. Бира, «прежде, во времена империй Хунну и Тюрков, тэнгрианство было предназначено для создания культа власти Хана только над определенным кочевым народом. Иначе говоря, представление о Всевышнем Тэнгри не распространялось на весь мир, а ограничивалось лишь определенным государством. Поэтому и власть Хана, уповавшего на силу Всевышнего Тэнгри, не могла распространиться за пределы данного государства. Однако во время правления Чингисхана понятие «Всевышний Тэнгри» получило новое, более глубокое осмысление, а тэнгрианство легло в основу целостной политической концепции, тэнгэризма, о сверхъестественной Высшей силе, которая решает судьбы всего мира и является источником харизмы Чингисхана и его преемников – членов «золотого рода»; эта концепция стала мощным моральным доводом, узаконившим их насильственные действия в мировом масштабе... С небывалой обширной экспансией при преемниках Чингисхана и с созданием мировой империи тэнгэризм приобрел характер своеобразной, универсальной идеологии, которую следует назвать идеологией тэнгэризации. Согласно этой доктрине, Всевышний Тэнгри является высшей всемогущей божественной силой во Вселенной, которая покровительствует Великому хану и повелевает ему действовать от Его имени и реализовать Его волю на Земле. Иными словами, все, что находится под Вечным Синим Небом, должно быть объединено под властью монгольских ханов...».

Эта идеология тэнгэризма нашла свое воплощение во внешнеполитической деятельности Чингисхана. По мнению исследователя внешней политики Чингисхана, монгольского ученого Ж. Бора, «внешняя политика и дипломатическая деятельность Чингисхана первого периода (до начала похода на империю Цзинь в 1211 году. – А.М.) свидетельствовали о том, что он попытался внедрить и закрепить в международные отношения те новые элементы дипломатической политики, которые были разработаны им в ходе взаимоотношений его улуса с другими монгольскими ханствами. В частности, Чингисхан предложил соседним государствам

придерживаться в межгосударственных отношениях следующих принципов: в любых ситуациях уважать право послов на неприкосновенность; отказаться от начала военных действий без объявления войны; не считать приоритетным выступление с позиции силы. Средством для осуществления внешней политики, построенной на этих принципах, являлась «открытая или гласная дипломатия», разработанная Чингисханом... К сожалению, правители соседних держав отвергли его инициативу и продолжали чинить произвол, по-прежнему действуя варварскими методами...

Следующий период (после 1211 года. – А.М.) внешнеполитической и дипломатической деятельности Чингисхана характеризуется пересмотром в определенной степени концепции его внешней политики; на это его подвигли события 1208–1210 гг., предшествовавшие походу монголов на державу Алтан-хана (последний не захотел отказываться от сюзеренитета над «северными варварами» и не признал Великий Монгольский Улус), а также вероломные действия хорезмшаха в 1218–1219 гг. (убийство послов и торговцев, прибывших из Монголии). Новая позиция Чингисхана в деле обеспечения мира между народами заключалась в следующем: мир следовало не просто отстаивать, защищая свою территорию; необходимо было лишить других способности напасть на тебя. Так зародилась новая доктрина международных отношений Чингисхана, получившая название *Rax Mongolica*: установление и поддержание мира «твердой рукой». Новая доктрина международных отношений нашла свое отражение в «Великой Ясе» Чингисхана, в которой сказано: «Запрещается заключать мир с монархом, князем или народом, пока они не изъявили полной покорности»... А вот что сказал Чингисхан о реализации своей доктрины после завоевания Северного Китая и державы хорезмшаха: «Только приходит моя рать, дальние страны умирятся и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов...» Принимая во внимание это высказывание Чингисхана, кажутся вполне обоснованными выводы российских ученых Г. В. Вернадского и Н. С. Трубецкого в отношении его доктрины «всемирного единодержавия». Рассуждая о главной цели «грандиозной концепции универсальной империи» Чингисхана, Г. В. Вернадский писал: «Именно имперская идея стала отличительной чертой ведущего монголов вперед духа завоевания... Монгольские императоры вели свои войны с очевидной целью достижения всеобщего мира и международной стабильности. В случае достижения этой цели ценой безопасности человечества становилось постоянное служение государству каждого и всех; это должно было установить порядок жизни и социального равенства». Н. С. Трубецкой, в своих трудах уделявший большое внимание изучению «идеологической основы царства Чингисхана и идейной сущности его государственной теории», видел свою задачу в том, чтобы «уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках и руководствах главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению...»

Почти тридцать лет (1178–1206) потребовалось Чингисхану, чтобы создать армию, воспитать военачальников, способных реализовать его доктрину «всемирного единодержавия». Китайский историк Сайшал дал следующую периодизацию военного строительства Чингисхана: «Нам неизвестны конкретные исторические свидетельства о том, когда впервые Чингисхан создал свою армию. Однако после того, как в 1178 году Борчу и Зэлмэ явились к Тэмужину нукерами, очевидно, в его распоряжении появилось небольшое количество воинов. А в следующем, 1179 году, когда Тэмужин, поддерживаемый Ван-ханом и Жамухой, впервые воевал с

мэргэдами, у него, несомненно, уже был боевой отряд. Вся армия Чингисхана представляла собой исключительно кавалерию. Процесс ее организации и становления можно разделить на четыре основных этапа.

Первый этап – с 1178 по 1189 год (год провозглашения Тэмужина ханом улуса «Все Монголы»). В этот период времени Тэмужин завязывал дружбу со своими будущими нукерами-сподвижниками, устанавливал контакты с новым поколением знати монголоязычных племен, при этом ставя во главу угла численное увеличение своего воинства. Представления о формировании и организации войска в то время у Тэмужина были достаточно примитивными. В основном все съезжались на совместную облавную охоту, в остальное время – пребывали каждый в своем стойбище. Когда же объявлялся военный поход, запасшись провиантом, воины собирались в назначенное время в условленном месте. Набег на мэргэдов, который приходится на этот период времени, имел важное значение для последующего военного строительства Чингисхана.

Второй этап берет свое начало в 1189 году с провозглашения Тэмужина в первый раз Чингисханом и подчинения им нирун-монголов и продолжается до весны 1204 года, когда Чингисхан начал реорганизацию своей армии, сформировав ее подразделения – «тысячи», «сотни», «десятки». Этот этап можно считать периодом масштабного развертывания военного строительства, которое, и это главная особенность этого этапа, проводилось одновременно с многими боевыми кампаниями... В течение четырнадцати лет Чингисхан участвовал в пятнадцати крупных сражениях. На этом этапе основной формой боевой организации воинства Чингисхана был курень. Хотя «курень» как организационная форма был порождением родового строя, его сущность в эпоху Чингисхана претерпела качественные изменения. Эти изменения выразились в том, что «курень», являвшийся формой совместных перекочевок скотоводов-сородичей, превратился в форму боевого построения войска при оборонительно-наступательной тактике.

Третий этап военного строительства начался весной 1204 года, когда «куренная» форма построения войска уступила свое место более компактной и эффективной «тысячной», и продолжался до 1206 года – года провозглашения Великого Монгольского Улуса. Это был период становления армии на новых принципах ее формирования. Осуществление военной реформы диктовалось требованием практики боевых действий того времени. Бесспорно, что «курень» как организационная форма был эффективен при оборонительных действиях. Но также очевидно, что эта форма не подходила для тактики наступления по всему фронту, которую Чингисхан применял в большинстве случаев.

Четвертый этап начался после провозглашения образования Великого Монгольского Улуса в 1206 году, когда был завершен переход от «куренной» формы боевого построения к формированию армии строго по десятичной системе («десятка», «сотня», «тысяча»), что позволило уже вскоре иметь десять тумэнов «железной кавалерии».

Следует добавить, что извечной, традиционной спутницей куренной формы организации войска была вольница родовых вождей, которые хотели – являлись на общий сбор, а если не хотели – игнорировали его. Чтобы покончить с этой пагубной практикой, окончательно закрепить в армии принцип единоначалия, передать бразды правления всеми подразделениями армии улуса в руки своих надежных, опытных нукеров, Чингисхан и осуществил перевод строящейся им армии на десятичную систему формирования и управления. На Великом хуралдае 1206 года, как явствует из «Сокровенного сказания монголов», «всех, кто усердие приложил к созданию государства, назначил владыка ноёнами тумэнов, тысяцкими, сотниками и десятниками; пожалованья и милости достойных пожаловал и людям, повеления его достойным, повелел».

Н. С. Трубецкой, на мой взгляд, прекрасно охарактеризовал соратников Чингисхана, всех тех, «кто усердие приложил к созданию государства»: «К своим подданным, начиная с выс-

ших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность были выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену... Люди ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия... В сознании их всегда живёт особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти... Когда человек такого психологического типа повинуетсЯ своему непосредственному начальнику, он повинуетсЯ не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы... Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя как часть известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, а Богу (Всевышнему Тэнгри. – А.М.). Измена и предательство для него психологически невозможны, ибо, изменив своему непосредственному начальнику, он тем самым еще не освобождается от суда начальников, более высоко стоящих, и, даже изменивши всем земным начальникам, все-таки не уходит из-под власти суда Божьего, из-под власти божественного закона, живо пребывающего в его сознании. Это сознание невозможности выхода из-под власти сверхчеловеческого, божественного закона, сознание своей естественной и неупразднимой подзаконности сообщает ему стойкость и спокойствие фатализма. Чингисхан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших на земле государств, он продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчиненность высшей воле и смотреть на себя как на орудие в руках Божиих (Всевышнего Тэнгри. – А.М.) ...

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше».

Среди проведенных Чингисханом военных реформ особое значение придавалось формированию его личной гвардии – хэшигтэна. Пробразом ее стало созданное в 1189 году подразделение личной охраны Чингисхана – турхаг. «Чингис, – писал русский монголовед Б. Я. Владимирцов, – слишком хорошо знал, как легко в степях при кочевом быте можно подвергнуться внезапному нападению, которое разом может прикончить начинающееся большое дело, поэтому он особенно старательно следил за организацией правильной охраны ханской ставки (орду)». В результате нескольких реорганизаций это подразделение в 1206 году превратилось в тумэн хэшигтэна («внутренние тысячи»), который помимо охраны хана и его ставки становился главной ударной силой войска Чингисхана... Учитывая возложенные на хэшигтэн серьезные обязанности и лежащую на нем большую ответственность, Чингисхан законодательно (в «Великой Ясе») утвердил порядок его формирования и материального обеспечения, прав и обязанностей.

Подводя итоги военного строительства Чингисхана, монгольский военный историк Х. Шагдар писал: «В результате последовательных действий Чингисхана, предпринятых в области

военного строительства в 1205–1206 гг., его армия представляла собой стройную структуру, состоящую из двух частей: «внутренние тысячи» или тумэн хэшигтэна, которому были присущи черты регулярной армии, и «внешние тысячи», которые формировались путем мобилизации по территориальному принципу...

«Внешние тысячи» формировались на основе военно-административной десятичной системы; при объявлении мобилизации все подразделения (десятки, сотни, тысячи) этого войска должны были собраться в указанном месте в полной боевой готовности для выполнения поставленных перед ними боевых задач. По территориальному принципу эти войска делились на четыре тумэна: центральный (или срединный), восточный (или левого крыла), западный (или правого крыла) и так называемый «лесной» тумэн. Эти тумэны состояли из тысяч, сформированных по родовому или смешанному принципу... Родовой принцип формирования «внешних тысяч» не только учитывал социальные и психологические особенности родов и аймаков, которые на протяжении сотен лет жили обособленно, но и обеспечивал внутреннюю сплоченность и психологическое единство в каждом таком воинском подразделении... В редких случаях по воле Чингисхана «внешние тысячи» формировались из представителей различных родов и аймаков; таким образом, Чингисхан стремился положить конец прежнему, межродовому антагонизму, ускорить процесс формирования монгольской нации... По мнению некоторых исследователей, помимо указанных выше тумэнов («внутренние» и «внешние» тысячи. – А.М.) армии Чингисхана существовали и тумэны членов «золотого рода» Чингисхана: его братьев и сыновей. Поэтому, говоря об общей численности войска Чингисхана в 1206 году, к 95 «внешним» тысячам и 10 000 хэшигтэна резонно будет прибавить как минимум еще 30 000 воинов, которых должны были выставить уделы, принадлежавшие членам «золотого рода».

В период завоевания Северного Китая, страны тангутов и державы хорезмшаха структура войска Чингисхана изменялась: кроме традиционной кавалерии, в монгольской армии появились пехотные и специальные части, в том числе оружейники, артиллеристы и инженерные войска, сформированные из солдат и военных специалистов из завоеванных стран.

Военный историк, генерал-лейтенант Генерального штаба русской армии М. И. Иванин в своей книге «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане», впервые вышедшей в свет в 1875 году, дал следующую оценку монгольской армии и ее великого полководца Чингисхана: «...Видно, что полчища монголо-татар не были нестройной ордой, но что войскам дана была правильная организация, приношенная к войскам кочевого народа, и что войска эти имели такое же превосходство перед современными им ополчениями, как ныне регулярные войска перед азиатскими или африканскими толпами воинов.

Это показывает, что... чингисиды по образованию были выше своего века. Поэтому и в войсках Чингисхана должно предполагать то же превосходство перед современниками в вооружении, строе, дисциплине, военном воспитании, тактических правилах и стратегических соображениях, чем и можно объяснить постоянные успехи их в течение нескольких десятков лет...

Если история предоставляет пример проявления необыкновенной силы монголо-татар... разбросанных на сотни верст бескормными и безводными пустынями и имевших вообще немногочисленное население, то сила эта естественно являлась вследствие данного кочевникам военного устройства и от соединения их в один народ... Какую же силу воли, какие военные, административные и политические способности должен иметь человек, чтобы подчинить своему владычеству эти народы..., чтобы дать им устройство, необходимое для образования многочисленной армии, и чтобы подчинить их строгой дисциплине... Чингисхан своим умением создавать армию, управлять войсками, направлять военные силы на решительные части театра войны, находчивостью преодолевать встречаемые препятствия, дальновидностью, испо-

линскими предприятиями и силою характера, может стать наряду с величайшими военными гениями древних и новых времен».

А. В. Мелехин

Список использованной литературы

1. Г. В. Вернадский. «Монголы и Русь». Тверь – Москва: ЛЕАН, Аграф, 1997.
2. Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2001.
3. Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009.
4. В. Васильев. «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века». СПб., 1857.
5. Лувсанданзан. «Алтан товч» («Золотой изборник») (на монг. яз.). Улан-Батор, 1990.
6. Ш. Бира. «Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса» (на монг. яз.). Улан-Батор, 2006.
7. Ж. Бор. «История монгольской и евразийской дипломатии» (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004.
8. Арабески истории. Кн. 2. (Мир Льва Гумилева). Пустыня Тартары. М.: Ди-Дик, 1995.
9. Сайшал. «История Чингисхана» (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. – кн. 1. С. 345–347.
10. Х. Шагдар. «История военного искусства Чингисхана». Улан-Батор, 2006. С. 26–28.
11. Н. Трубецкой. «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». В сб.: «Классика геополитики XX в.». М.: АСТ, 2003. С. 153–163.
12. Г. В. Вернадский. «О составе Великой Ясы Чингисхана». Брюссель, 1939.
13. М. И. Иванин. «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане». СПб.: АО «Славия», 2003.

Раздел первый

«Великая Яса», или скрижали Чингисхана

Если наши потомки, которые родятся и займут мое место, сохраняют и не изменяют таковой Ёс (установленные или «похвальные» обычаи. – А.М.) и Ясу Чингисхана, которые для народа ко всему пригодны, то от Неба (Всевышнего Тэнгри. – А.М.) придет им помощь благоденствия, непрерывно они будут в веселье и радости. Господь (Всевышний Тэнгри. – А.М.) взыщет их пожалованием и милостями, а люди мира будут молиться за них. Они (наследники Чингисхана. – А.М.) будут жить долго и наслаждаться благами.

Чингисхан

На Великом хуралтае 1206 года волею и мудростью провозглашенного единодержца Великого Монгольского Улуса Владыки Чингисхана были установлены «хорошие и твердые уставы», «основные правила и наказания к ним». «Хорошие и твердые уставы», о которых пишет Рашид ад-Дин, «основные правила и наказания к ним», о которых в свою очередь повествует Аль-Макризи¹, касались проведения важных реформ по укреплению собственной власти, армии и администрации, они заложили основу «нового имперского закона – Великой Ясы Чингисхана»².

Мудрость Чингисхана заключалась в том, что он смог аккумулировать и заложить в основание созданного им Великого Монгольского Улуса многовековой исторический опыт общественного развития и государственного строительства как монголоязычных, так и тюркских народов, объединенных им в одно государство. А воля и решимость Чингисхана в осуществлении реформ, которые предшествовали хуралтаю 1206 г., так и объявленные на нем и после него, обеспечили их последовательность, безусловное исполнение и, главное, результативность, «в державе водворение порядка».

Чингисхан, провозглашая и воплощая в жизнь реформы по созданию единого монгольского государства, не пошел по пути «тех восточных деспотий, в которых высшим законом является произвол верховного правителя и его ставленников. Империя Чингисхана управлялась на строгом основании закона, обязательного для всех, начиная от главы государства и кончая последним подданным»³. Этим Законом стала «Великая Яса» Чингисхана.

В этой связи нельзя не отметить прозорливость Чингисхана, который двумя годами раньше повелел использовать для нужд создаваемого им государства уйгурскую письменность; «благодаря ей оказалось возможным закрепить и кодифицировать монгольское обычное право и народные обычаи и воззрения, разумеется, под сильным влиянием на эту кодификацию взглядов самого Чингисхана»⁴.

Помимо приведенной выше точки зрения Э. Хара-Давана о главной задаче, которую ставил перед собой Чингисхан, составляя «Великую Ясу», существуют и другие, пожалуй, более

¹ Аль-Макризи (1364–1442) – арабский географ, историк, был проинформирован своим другом Абу-Нашимом о списке «Ясы», имеющемся в Багдадской библиотеке. На основании этой информации Макризи попытался представить полный отчет о содержании «Ясы». Фактически же ему удалось очертить лишь часть кодекса, в основном статьи, посвященные уголовному законодательству и наказанию. Его отчет вошел в книгу Sylvestre de Sacy «Chrestomatie arabe» (1826 г.). Перевод фрагментов «Ясы» по версии Макризи взяты нами из книги Г. В. Вернадского «Монголы и Русь», а также из издания: Э. Хара-Даван. «Чингисхан как полководец и его наследие», в которых авторы следуют В. А. Рязановскому (Монгольское право. Харбин, 1931).

² Г. В. Вернадский. «Монголы и Русь». Леан, Тверь, Аграф, Москва, 1997. С. 38.

³ Э. Хара-Даван. «Чингисхан как полководец и его наследие». Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 63.

⁴ Э. Хара-Даван. Указ. соч. С. 60.

обоснованные выводы по этому коренному вопросу политики Чингисхана. В частности, Г. В. Вернадский на основе анализа состава «Великой Ясы» Чингисхана писал: «...Основной задачей Чингисхана при издании Ясы было таким образом создать новую систему права – право ханское или имперское, которое должно было утвердиться, как надстройка над прежним обычным правом... В Ясе проявляется отчетливо новая имперская идея. И сам Чингисхан и его ближайшие преемники сознательно стремились к тому, чтобы превратить монгольское государство в мировую империю. Это устремление ясно видно во всем замысле Ясы»⁵. «Именно имперская идея стала отличительной чертой ведущего монголов вперед духа завоевания... Монгольская империя, в понимании ее монгольских лидеров, была инструментом Бога (Всевышнего Тэнгри. – А.М.) для установления порядка на земле. Как говорит Эрик Фогелин, «Хан обосновывает свои притязание на правление миром на Божественном порядке, которому он сам подчинен. Он обладает лишь правом, производным от Божественного порядка, но он действует сообразно с долгом». Чувствуя себя инструментом Бога (Всевышнего Тэнгри. – А.М.), монгольский император не хвастается силой армии, но просто ссылается на волю Бога»⁶.

К сожалению, до нас не дошел подлинный список «Великой Ясы», однако восточные авторы XIII – XV вв.: знаменитый персидский историк Рашид ад-Дин (1247–1318), не менее известный его соотечественник Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни (ум. в 1283 г.), арабский географ и историк Макризи (1364–1442), сирийский историк Григорий Аб-уль-Фарадж – в своих произведениях утверждали, что такие списки существовали, цитировали отдельные фрагменты «Великой Ясы», пытались восстановить ее состав и структуру.

Основываясь на высказываниях Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни, Рашид ад-Дина, Макризи и других средневековых летописцев, можно с большой долей уверенности констатировать, что на Великом хуралтае в 1206 году была утверждена первая редакция «Великой Ясы», которую составили законы и повеления Чингисхана 1189–2006 гг., правовые нормы, связанные с практикой и принципами судопроизводства («для каждого обстоятельства правило, и для каждой вины установил кару»), а также «установленные или похвальные» обычаи – нормы родового и племенного обычного права.

Следует подчеркнуть главенствующую роль Чингисхана в создании и формулировании нового имперского права – «Великой Ясы» и, естественно, «Билика». Для монголов этот свод законов и уставов был, по словам Г. В. Вернадского, «обобщенной мудростью основателя империи»⁷. Именно на это указывает современник Чингисхана персидский историк XIII века Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни в своем сочинении «История завоевателя мира»: «Поелику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он, без утомительного рассмотрения летописей и без докучного соображения с древностями, единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством завоевания стран и относилось к сокрушению мощи врагов и возвышению степени своих подвластных...

Соответственно своему мнению, как оное того требовало, положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, а те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они Великой Книгой Ясы»⁸.

⁵ Г. В. Вернадский. «О составе Великой Ясы Чингисхана». Брюссель, 1939. С. 33.

⁶ Г. В. Вернадский. «Монголы и Русь». Леан, Тверь, Аграф, Москва, 1997. С. 99, 102.

⁷ Г. В. Вернадский. Указ. соч. С. 107.

⁸ Цитируется по книге Р. Груссе «Чингисхан покоритель вселенной». М.: «Молодая гвардия», 2000. С. 250–251.

В окончательной редакции «Великой Ясы», относящейся, по-видимому, к 1225–1226 гг., Чингисханом, со свойственной ему прозорливостью, была найдена «золотая середина»: с одной стороны, учтены и трансформированы для создавшихся новых условий древние предания, обычаи и воззрения своего рода, своего народа, монголо-тюркские традиции, с другой стороны, были учтены и «типологические особенности прилежащих государств – Цзинь, Уйгурии, Кара-Кидан... местные законы мусульманских тюркских правителей Ближнего Востока»⁹.

* * *

В первом разделе нашей книги собраны дошедшие до нас установления («Великая Яса») и изречения («Билик») Чингисхана, наглядно свидетельствующие о том, какими «известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему», руководствовался Чингисхан, создавая свою армию. Поскольку, как писал Г. В. Вернадский, «военное управление являлось основой монгольского управления вообще... и ввиду исторических обстоятельств возникновения Монгольской империи, естественно, что вопросам воинского устройства должно было быть отведено значительное место в законодательстве Чингисхана... Воинский устав, таким образом, являлся одним из основных разделов «Великой Ясы».

Воинский устав, сохранившиеся фрагменты которого вошли в данное издание, содержит установления по формированию войска и гвардии Чингисхана, воинской подготовке, в том числе и в условиях облавных охот, и проверке боеспособности, воинской дисциплине, движению в походе и боевым действиям, взаимоотношениям командного состава и подчиненных, взысканиям и поощрениям.

Что касается «Билика», свода изречений, наставлений и заветов Чингисхана, то и среди этих назидательных рассказов есть много такого, что, по мнению летописца Джувейни, «связано с устройством завоевания стран и относилось к сокращению мощи врагов и возвышению степени своих подвластных...», поэтому некоторые из них, сохранившиеся в разных источниках, мы также включили в первый раздел нашей книги.

Чингисхан предполагал дать монголам такие законы, которыми могли бы руководствоваться как его современники, так и потомки. Это подтверждают и наши источники. Так, Аль-Макризи сообщает: «Когда Чингисхан установил основные правила и наказания к ним и все передал письменно в книге, он дал наименование Ясы, или Ясака. Когда редакция книги была окончена, Чингисхан велел эти законы вырезать на стальных досках и сделал их кодексом для своей нации»¹⁰.

А Рашид ад-Дин повествует о том, что Чингисхан дал наказ своим наследникам сохранять «Великую Ясу» неизменной: «...Если великие люди (государства), бахадурь (*богатыри*. – А.М.) и эмиры... не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется, будут страдать искать Чингисхана, но не найдут (его)»¹¹.

По всей видимости, сам Чингисхан представлял живое воплощение безусловного подчинения изданным им самим законам. И такой пример, подаваемый самим ханом, должен был оказать благотворное влияние на нравы всей монгольской администрации, что, в свою очередь, воспитывало народ в духе строгой законности.

Влияние этого законодательства на народные нравы подтверждается свидетельством посторонних наблюдателей. Плано Карпини в своей книге «История монголов» (XIII в.) так описывает «хорошие нравы татар»: «...татары более повинуются своим владыкам, чем какие

⁹ Г. В. Вернадский. «Монголы и Русь». Москва, Аграф, Тверь, Леан, 1997. С. 114.

¹⁰ Цитируется по книге Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». С. 145.

¹¹ Рашид ад-дин. «Сборник летописей». М.: «Ладомир», 2002. т. 1, кн. 2. С. 260.

бы то ни было люди, живущие в сем мире... более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда...»¹².

По свидетельству Рашид ад-дина, военачальники армии Чингисхана на ежегодных хурал-татах вновь и вновь прослушивали законы и назидательные рассказы и мудрые высказывания Чингисхана, свидетельствуя тем самым о своем беспрекословном следовании его завету: «Военачальники тумэна, тысячи и сотни, съезжающиеся выслушать наши мысли («Великую Ясу» и «Билик» Чингисхана. – А.М.) в начале и в конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском; состояние тех же, которые сидят в своем юрте (уделе. – А.М.) и не слышат мыслей наших, походит на камень, упавший в большую воду, или на стрелу, пущенную в заросли тростника: они оба бесследно исчезнут. Таким людям не подобает командовать...»

А. В. Мелехин

¹² Джованни дель Плано Карпини. «История монгалов». М.: «Мысль», 1997. С. 40.

«Великая Яса» Чингисхана

Фрагменты «Великой Ясы» из сочинения А. М. Джувейни «История завоевателя мира»¹³

*О порядках, заведенных Чингисханом после его появления, и о ясах, кои он повелел*¹⁴

Введение

Поелику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он без утомительного рассматривания летописей и без докучного соображения с древностями единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством стран и относилось к сокрушению мощи врагов и к возвышению степени своих подвластных...

Соответственно своему мнению, как оно того требовало, положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских (монгольских. — А.М.) не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, и те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они их Великой Книгой Ясы. Лежит она в казне доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться или посадит [на конь] войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устройении, те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют...

¹³ Из сочинения А. М. Джувейни «История завоевателя мира». — Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни, персидский историк XIII века; с 1255 года и до самой смерти (умер в 1283 г.) Джувейни находился на службе основателя династии ильханов Персии — Хулагу и его наследников; свою знаменитую книгу «История завоевателя мира» Джувейни писал в 1252–1260 гг.

¹⁴ Приведенный ниже перевод В. Ф. Минорского главы о Великой Ясе из сочинения Джувейни «История завоевателя мира» взят из книги Г. В. Вернадского «О составе Великой Ясы Чингисхана» (Брюссель, 1939. С. 40–50).

Портрет Чингисхана. Из коллекции портретов монгольских ханов и ханш, хранившихся в императорском дворце в Пекине. XIII–XIV вв.

Содержание Великой Книги Ясы

I

В тех указах, что рассылал он по окружным странам, призывая их к повиновению, он не прибегал к запугиванию и не усиливал угроз, хотя правилом для властителей было грозиться множеством земель и мощностью сил и приготовлений. Наоборот, в виде крайнего предупреждения он писал единственно, что если [враги] не смирятся и не подчинятся, то «мы-де что можем знать. Древний Бог (Всевышний Тэнгри. – А.М.) ведает»...

IV

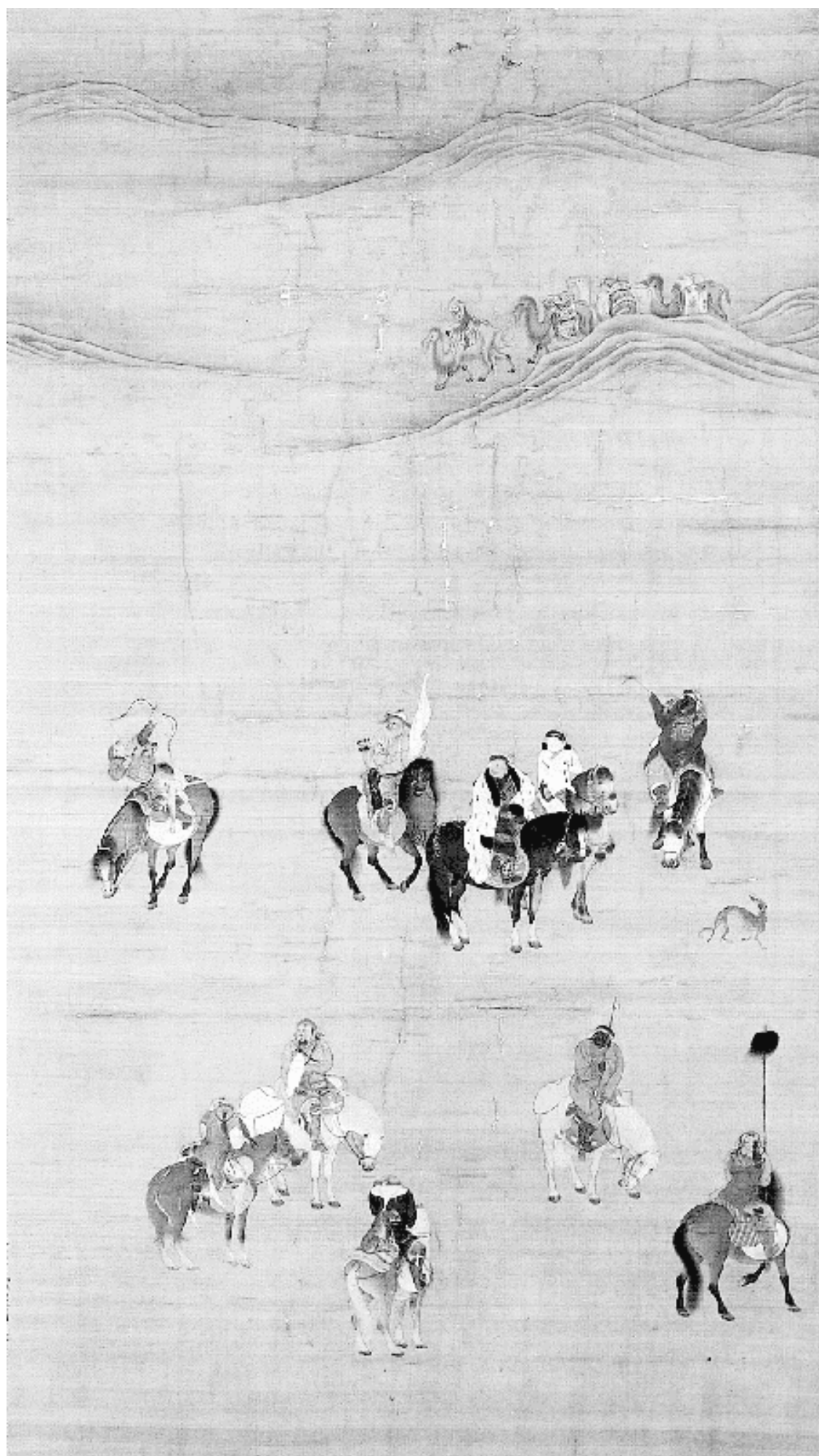
Ловитву (облавная охота. – *А.М.*) Чингисхан строго содержал, говорил, что-де лов зверей подобает военачальникам: тем, кто носит оружие и в боях бьется, надлежит ему обучаться и упражняться (дабы знать), когда охотники доспеют дичь, как вести охоту, как строиться и как окружать дичь, по числу людей глядя.

Когда соберутся на охоту, пусть высылают людей на дозор и осведомляются о роде и числе дичи. Когда не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают. Цель не только сама охота, а больше то, чтобы воины привыкали и закалялись и осваивались со стрелометанием и упражнением. А как двинется хан на великий лов – срок ему: едва наступит зимняя пора, – то рассылает приказы, чтобы те войска, что находятся в средоточии ставки и по соседству с ордами, готовились к лову, чтобы, как указано будет, столько-то людей из десяти садилось на конь, и чтобы сообразно каждому месту, где будет охота, собрали они снасти, оружие и все другое.

Тогда определяет [хан] правое и левое крыло и середину, распределяет их между великими эмирами (ноёнами. – *А.М.*), а [сам] выступает с катунями (ханшами. – *А.М.*), наложницами, яствами и питиями.

Кольцо для лова охватывается за месяц либо за два-три месяца, и зверя сгоняют постепенно и полегоньку, и берегутся, чтобы он не вышел за кольцо. А ежели каким разом выскочит зверь из круга, то станут обсуждать и расследовать причину до последней мелочи и бьют на том деле палками тысяцких, сотников и десятников, часто случается, что и до смерти убивают.

И ежели, к примеру, кто не соблюдает строя, что зовется у них нерге, и выступают из него либо отступят от него, наказание ему великое и спуску нет.

Ханская охота тоже следовала установлениям «Великой Ясы»

Таким чином два-три месяца денно и ночью гонят они дичь, как будто стадо баранов, и шлют послов к хану, и дают ему сведения о звере и о его числе, что-де куда достиг и откуда спугнут, пока, наконец, не сомкнется кольцо. Тогда на два-три фарсах понавяжут вервий одно к одному и понабросают [на них] войлок¹⁵.

Войско стоит на местах, плечо к плечу, а дичь внутри круга голосит и волнуется, и разные звери мычаньем и воем выражают, что-де пришло возвещенное время, когда соберутся купно звери: тигры свыкаются с дикими ослатами, гиены содружаются с лисами, и волки беседуют с зайцами.

Когда стеснится кольцо до крайности, так что не станет мочи двигаться диким зверям, сперва хан с несколькими приближенными въедет в круг и с час времени пускает стрелы и разит дичь, а как прискучит ему, сойдет наземь на высоком месте среди нерге, чтобы полюбоваться и тем, как въедут царевичи, а за ними по порядку воины, начальники и простой люд.

Таким родом пройдет несколько дней, пока из дичи не останется ничего, кроме одиночек или парочек, раненых и разбитых. Тогда удрученные годами старики смиренно подступят к хану, вознесут мольбу и заступятся за продление жизни остатков зверья, чтоб выпустили его через то место, где ближе до воды и травы. Всю дичь, что побита была, собирают, и коль нельзя счесть, исчислить и перечислить разных пород зверья, считают токмо хищных зверей да диких ослов. Друг один сказывал, что в дни царствования Каана (Угэдэя) таким путем одной зимой охота была, и Каан, ради любования и развлечения, сидел на холме. Звери всех родов устремились к его трону и под холмом подняли крики и вопли, словно просили справедливости.

Каан приказал всех зверей выпустить и отнять от них руки насилия. Он же приказал, чтобы посреди страны Хатайской (Китай. – А.М.), в месте зимовий, была построена стена из дерева и земли и на ней двери (ворота. – А.М.), чтобы из дальних мест собиралось туда зверей множество, и чтобы таким путем на них охотились. Тоже и в пределах Цагадаева Алмалыка да Куяша он устроил такое же место для охоты. (Не) таковы ли суть и обычаи войны, убийства, счета убитых и пощады остающихся; таковы они шаг за шагом, ибо то, что оставляется в живых в (покоренных) странах, состоит из бедняков, немногих числом, и немощных.

V

Что до устройства войска, то от времен Адамовых до сего дня, когда большинство климатов (стран) находится под владычеством и в повиновении рода Чингисханова, ни в какой истории не вычитано и ни в какой книге не написано, чтобы когда-либо какому-нибудь царю, бывшему господином всех народов, удалось иметь войско, подобное татарскому, которое терпеливо в трудностях и благородно в спокойствии, которое в радости и несчастьи одинаково покорно полководцу, не из-за чаянья жалованья и корма (нареза земли) и не из-за ожидания прибытка и дохода, – и сие есть наилучший порядок для войска...

Какое войско в мире может быть, как татарское, что (даже) среди (ратного) дела охотится для одоления и презрения диких зверей; в дни покоя и досуга ведет себя, как баранье стадо, приносящее молоко, шерсть и многую пользу; а среди трудов и несчастий свободно от разделения и супротивности душ. Войско наподобие крестьян, что несут разные [повинности] поставок и не высказывают докуки при выполнении того, что приказано, будь это копчур (налог, дань, оброк), аваризы (дополнительные сборы), расходы на проезжих, содержание ямов (ямская повинность. – А.М.), предоставление подвод, заготовка корма для животных.

¹⁵ Фарсах (парасанг) – персидская мера длины, ок. 5–6 км; замкнутый круг облавы обозначается специальными веревками, на которые привязывают разноцветные тряпки, войлок, отпугивающие зверей.

Крестьяне в образе войска, что во время ратных дел от мала до велика, от знатного до низкого – все рубят саблями, палят из луков и колют копьями и идут на все, что в ту пору потребуется.

Коль возникает опасение войны от врагов или козней от бунтовщиков, они заготавливают все, что в том случае пригложается: разное оружие и другое снаряжение, вплоть до знамен, игло-лок, веревок, верховых и вьючных животных, ослов и верблюдов. Таким образом, по десяткам и сотням, каждый выполняет свою повинность, а в день смотра предъявляют они снаряжение, и если хоть немного не хватит, то такому человеку сильно достается, и его крепко наказывают. И хотя бы они находились среди самого сражения, все, что потребуется на разные расходы, через них достается.

Что до женщин их и людей, оставшихся при грузах (в обозе. – *А.М.*) или дома, то поставки (взносы), что производились, пока сам человек (мужчина. – *А.М.*) был дома, остаются в силе, до того, что если случайно повинностью того одного человека будет его личная помощь (в значении барщины), а мужчины не окажется, то женщина [того двора] выйдет лично и выполнит дело.

Места смотра и учета войска так устроены, что через них уничтожена необходимость смотрового приказа (специальной государственной службы. – *А.М.*)...

Все люди разделены на десятки, в каждой десятке один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника, и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идет до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, называемый темником. В сем соответствии и распорядке, какое дело ни возникнет, потребуется ли человек или вещь, дело передается темнику, этим последним – тысяцкому, и так далее до десятника.

Для равенства: каждый человек трудится, как другой; разницы не делают и на богатство и поддержку не смотрят. Если вдруг понадобится войско, то приказывается: «столько-то тысяч нужно в такой-то час», и в тот день или вечер они являются в том месте. ...И ни на мгновение ока не случается у них спешки или проволочки.

Повиновение и послушание таковы, что, если начальник тьмы (тумэна. – *А.М.*), будь он от хана на расстоянии, отделяющем восток от запада, – совершит промах, [хан] шлет конного, чтобы наказать его, как будет приказано: прикажут «голову снять» – снимут, захотят золота – возьмут...

VI

А еще яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыв, ввергнут в оковы и накажут. Посему никто чужого к себе допускать не может. К примеру, если будет царевич, то и наималейшего звания человека к себе не пустит и от нарушения ясы воздержится. Всеконечно, никто не может перед своим начальником зазнаваться, а другие не смеют его совращать.

VII

И еще: где в войске найдутся девицы луноподобные, их собирают и передают из десятков в сотни, и всякий делает свой особый выбор вплоть до темника. После выбора девиц ведут к хану или царевичам и там сызнова выбирают: которая окажется достойна и на вид прекрасна, той возглашается: удержать по законности, а остальным: уволить по-хорошему, и они поступают на службу к катуням (ханшам. – *А.М.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.